

УДК 37(476)(091)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-14-20

**ВКЛЮЧЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ РАЗДЕЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ****канд. ист. наук, доц. Н.Е. НОВИК****(Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск)**

В статье показаны особенности включения учебных заведений белорусских земель в образовательное пространство Российской империи в эпоху разделов Речи Посполитой, выявлены трудности в осуществлении образовательной политики властей после присоединения новых территорий в конце XVIII в. Созданные для расширения российского влияния на востоке Беларуси главные и малые народные училища заняли определенную нишу в сфере образования, но не смогли вытеснить конкурирующие католические учебные заведения по причине недостаточной финансовой обеспеченности. В результате на рубеже XVIII–XIX вв. на белорусских землях сосуществовали две группы учреждений образования: с одной стороны, учебные заведения, созданные по общероссийскому образцу с обучением на русском языке; с другой стороны, различные школы, сохранявшие традиции времен Речи Посполитой и слабо интегрированные в имперское образовательное пространство.

Ключевые слова: образовательное пространство, образовательная политика, эпоха Просвещения, иезуиты, светское образование, главные и малые народные училища.

Введение. Эпоха разделов Речи Посполитой поставила перед управленческой элитой Российской империи жизненно важный вопрос об интеграции присоединенных земель, адаптации местного населения к существованию в иной общественно-политической, социально-экономической и культурной среде, в том числе при помощи института образования. Получив в качестве наследия разделенного государства многочисленные разнотипные духовные и светские учебные заведения вместе с церковным имуществом для их обеспечения, новые власти ощутили насущную потребность сближения концептуальных основ построения школы в западных и центральных регионах страны, формирования единой правовой базы, поиска способов управления, адекватных социально-психологическим и конфессиональным особенностям жителей приобретенных территорий.

Состояние образования на белорусских землях в насыщенную событиями переходную эпоху разделов Речи Посполитой стало объектом внимания исследователей довольно давно, особенно в связи со 100-летием создания Виленского учебного округа. Проявленный познавательный интерес не был случайным – служащие этой административно-учебной единицы имели доступ к источникам и обладали необходимыми компетенциями для написания серьезных трудов. Так, Ю.Ф. Крачковский, будучи автором книги о начальном периоде существования округа, обратился к его предыстории, к работе Эдукационной комиссии, в которой увидел лишь «благой порыв», сделал акцент на злоупотреблениях имущественного и финансового характера [12, с. 31]. Общее положение образования в последние десятилетия XVIII в. он рассмотрел через призму беспокойной политической ситуации, существенно препятствовавшей поступательному развитию этой важной сферы [12, с. 37].

Характерное для дореволюционных авторов приоритетное внимание образовательной политике российских монархов и конечно же такой ключевой фигуре, как Екатерина II, выглядит совершенно закономерно. К примеру, еще один известный историограф Виленского учебного округа А.В. Белецкий отдельную публикацию посвятил деятельности императрицы по распространению образования на белорусских землях – в Полоцкой и Могилевской губерниях. По его мнению, во всех сферах жизни она проводила политику полного сближения Белоруссии с внутренними губерниями России, шла к этому разными путями, в том числе посредством организации обучения на русском языке, однако достичь поставленной цели ей в полной мере не удалось [2, с. 13, 46, 61]. Дальнейшее исследование темы продолжил П.Н. Жукович в своей статье, где дал наиболее подробную и насыщенную фактическим материалом характеристику школьного дела в западном регионе империи в царствование Екатерины II. Автор четко провел мысль о том, что создание главных и малых народных училищ в восточной Белоруссии стало важным актом государственно-объединительной политики и знаменовало собой появление в полном смысле слова светских русскоязычных государственных учебных заведений [9, с. 319, 329]. Работа о развитии образования в конце XVIII в. принадлежит перу М.В. Довнар-Запольского, который, в отличие от предыдущих авторов, на первый план выдвинул не региональный, а общероссийский аспект – основополагающее значение екатерининских реформ в деле создания бессословной и бесплатной средней общеобразовательной школы в империи [7]. В своей более поздней «Истории Белоруссии» он положительно отозвался о деятельности Эдукационной комиссии [8, с. 289].

Вершиной дореволюционной историографии по образовательной проблематике по праву можно признать фундаментальные труды С.В. Рождественского. Феномен образования он рассматривал как постепенно формирующуюся многоуровневую систему, которая в российском государстве распространялась из центра в регионы. В предпринятой после окончательного раздела Речи Посполитой попытке решения властями принципиального вопроса о единстве учебной системы исследователь усматривал первый опыт её адаптации на окраинах с полиэтническим населением и иной культурой. В качестве основного побудительного мотива правящих кругов он выдвигал убеждение в абсолютной педагогической ценности внедряемой системы, но не упускал из виду и политическую составляющую: школа с её главным предметом преподавания, русским языком, должна была стать орудием сплочения окраин с коренной Россией [23, с. 641].

В советский период изучение развития образования после вхождения белорусских земель в состав империи не утратило значения, но приобрело иную окраску. Белорусские историки послевоенного времени были практически единодушны во мнении о громадном прогрессивном значении воссоединения с Россией, включая функционирование школы. Влияние атеистических взглядов логично подводило их к выводу о том, что монастырские училища являлись очагами распространения схоластических знаний и религиозного мировоззрения, несли «полонизаторско-католический дух» воспитания, служили интересам господствующих классов [1, с. 169; 11, с. 10; 18, с. 94]. Состояние образования на белорусских землях в эпоху разделов Речи Посполитой наиболее полно отражено в трудах В.С. Поссе. Открытые российскими властями народные училища он оценивал в положительном ключе, отмечал благоприятное отношение к ним белорусского населения [22]. Отдавая должное работам автора, укажем на присутствие в них свойственной советской историографии противоречивости: с одной стороны, интересы царизма объявлялись классовыми и реакционными, а с другой – результаты преобразований просвещения на русских основаниях, которые не могли произойти без решающего участия самодержавия, трактовались как создание в Беларуси новой школы, распространение прогрессивных идей, передовых для своего времени принципов воспитания и обучения [18, с. 101].

На рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. начала складываться современная историография образования с характерной для неё сменой подходов и оценок. По-прежнему сохранялось заострённо критическое отношение к политике российских властей, но влияние русской культуры уже не рассматривалось как исключительно благотворное. Отечественные специалисты подготовили диссертации, монографии, статьи, посвященные школе на белорусских землях в эпоху Просвещения [3; 10; 16; 24–26]. Многочисленные и обстоятельные работы принадлежат А.Ф. Самусику, который собрал и творчески исследовал обширный материал, отражающий эволюцию системы образования в 70-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в. Согласно его справедливому мнению, разделы Речи Посполитой не привели к полному разрыву с прежней образовательной традицией на белорусских землях. Рассматривая феномен русификации во время правления Екатерины II, он рассуждал о неразвитости России в культурном плане и неспособности кардинально изменить на захваченных территориях как общее построение учебно-воспитательного процесса, так и количество лояльного правительству хорошо образованного населения православного вероисповедания [25, с. 50, 58]. Ряд любопытных наблюдений и взвешенных суждений относительно сходства и различия организации школьного обучения в Речи Посполитой и Российской империи А.Ф. Самусик привел в историографической статье, посвященной воззрениям М.В. Довнар-Запольского [26]. Автор книги о формировании культуры Нового времени на белорусских землях С.Е. Куль-Сельверстова также сравнивала образовательный потенциал обеих стран в конце XVIII в., но однозначно отдала предпочтение Речи Посполитой, признала российский вариант реформирования школы паллиативным и запоздалым [14, с. 12, 32].

Народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. в контексте воспитания элит попало в фокус внимания немецкого исследователя Я. Кусбера в его объемной и содержательной монографии, которая вышла в русскоязычном переводе в 2018 г. Среди широкого спектра затронутых в ней вопросов автор выделил значение аннексии территорий бывшей Речи Посполитой в плане усвоения российским государством местного образовательного опыта. Следуя в русле, проложенном дореволюционной историографией, автор подчеркнул заслуги Екатерины II в создании намного более продуманной и четко организованной системы, чем все предшествующие варианты образования в стране [15, с. 255]. Освещение хода данной реформы выявило трудности её реализации в присоединенных областях с разнородной этнической и конфессиональной структурой населения. Автор не сомневался в намерении имперских властей превзойти систему католических школ, однако ответ на вопрос, действительно ли государственные народные училища превратились в форпосты православия, оставил открытым [15, с. 331].

Несмотря на накопленный на сегодняшний день фактический материал и имеющийся опыт его обобщения, ряд важных аспектов изучаемой темы требует уточнения и нового прочтения. Поскольку наше исследование находится в области соприкосновения исторической и педагогической наук, весьма полезным представляется концепт «образовательное пространство», отсутствовавший в дореволюционных и советских нарративах и достаточно широко внедренный в современное гуманитарное знание. Согласно определению российского ученого Р.Е. Пономарева, образовательное пространство представляет собой вид пространства, место, охватывающее человека и среду в процессе их взаимодействия, результатом которого выступает приращение индивидуальной культуры [21]. Данное понятие объединяет все объекты и явления, включенные в образовательный процесс и приводящие к освоению человеком или социальной группой ценностей, овладению различными способами мышления, деятельности и поведения. Образовательная среда представлена культурной (знаки, тексты), социальной (взаимодействие между людьми) и природной (естественные и созданные человеком материальные объекты) составляющими. Использование такого категориального аппарата позволяет всесторонне рассмотреть избранный нами предмет исследования в широком социально-культурном контексте. Вместе с тем в рамках одной статьи не представляется возможным охватить весь комплекс проблем, связанных с трансформацией общественных отношений и сопутствующими им изменениями в сфере образования от первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. до конца правления Екатерины II в 1796 г. Следовательно, мы постараемся лишь в самых общих чертах выявить этапы и особенности включения белорусских земель в образовательное пространство Российской империи в отмеченный период.

Основная часть. Для начала отметим, что на этом пути имелись и благоприятные факторы, и существенные преграды. В XVIII в. ключевую роль в Речи Посполитой и в Российской империи играли культурные контакты с Европой и философия Просвещения, в рецепцию которой практически одновременно включились представители

элиты обеих стран. Двойственный характер эпохи, сочетавшей старое и новое, религиозное мировоззрение и светскую культуру [5, с. 161], нарушал монополию церкви в области образования, но не приводил к полной ликвидации её влияния, равно как и не делал светскость равнозначной атеизму. Сторонники новой доктрины остро поставили вопрос о переходе власти над школой в руки государства в целях воспитания просвещенного человека и гражданина, о создании для этого особых высших органов управления, непосредственно подчиненных верховной власти. Под влиянием таких философских воззрений и в Российской империи, и в Речи Посполитой подошли к созданию светской государственной системы образования, но способы её построения существенно различались, прежде всего вследствие отличия исходной базы для новых структур.

Более длительные, прочные связи с Западной Европой и основанные на них традиции имела Речь Посполитая, где на протяжении долгого времени католическая церковь обучала и воспитывала население, выделявшееся довольно высокими культурными потребностями, обусловленными прежде всего многочисленностью шляхетского сословия. Его представители под влиянием исторической традиции и угрозы утраты привилегированного статуса всеми силами стремились к получению знаний, видели в школе источник сведений, необходимых не только в повседневной жизни, но и для сохранения собственной идентичности. Неслучайно наличие образования играло роль специфического маркера, отличавшего бедную беспоместную шляхту от представителей других социальных слоев [4, с. 262, 280; 6, с. 47–48]. Почтение и авторитет у жителей вызывали монументальные здания костелов и монастырей с расположенными в них учебными заведениями, которые определяли характерный облик белорусских городов и других населенных пунктов и являлись неотъемлемым элементом местной образовательной среды. Школы иезуитов, пиаров, доминиканцев, францисканцев, других монашеских орденов и конгрегаций, а также униатского ордена базилиан не зависели от светской власти, самостоятельно распоряжались имуществом, определяли содержание своих курсов, считая религиозно-моральное развитие воспитанников одной из главных задач.

Под влиянием европейского Просвещения Речь Посполитую охватило стремление к изъятию школы из рук церкви, особенно после ликвидации богатого монашеского ордена иезуитов в 1773 г., когда в стране в качестве высшего светского органа управления образованием возникла Эдукационная комиссия. Получив в свое распоряжение имущество упраздненного Ордена, комиссия провела масштабную реформу: основала светские учебные заведения, разработала принципы управления и контроля за их деятельностью, разделила страну на учебные округа, издала в 1783 г. обязательный для всех устав, осуществила первые шаги по созданию трехступенчатой системы образования, внедрила новые программы и пособия, организовала подготовку учителей и определила их обязанности. В результате в центральной и западной части Беларуси было нарушено монопольное положение католической церкви в обучении и воспитании молодежи.

Создавая государственную систему образования, Российская империя пошла по иному пути, поскольку здесь отсутствовало такое богатое церковное наследие, на базе которого можно было бы строить новую школу, как не существовало и антагонизма между духовным и светским просвещением [23, с. 385, 529]. Весомую роль в этом деле сыграла губернская реформа 1775 г. с её идеей взаимосвязи между образованием и социальной опекой, реализуемой посредством Приказов общественного призрения. На данные учреждения, создававшиеся в губерниях в целях поддержки малоимущего городского населения, возлагалось открытие и содержание начальных учебных заведений, сиротских приютов, богаделен, рабочих домов, больниц. Изначально каждому из приказов выделялось по 15 тыс. руб. из государственной казны, дальнейшее их обеспечение осуществлялось за счет средств благотворительности, дотаций городских бюджетов, прибыли от предпринимательства и самостоятельной финансовой деятельности [28, с. 497–498]. Как видим, в империи впервые появился отдельный орган, который отвечал за образование и социальную поддержку на региональном уровне, и, главное, располагал определенной суммой, пусть и не очень большого объема по сравнению с другими статьями расходов на местное управление.

Если реформы в Речи Посполитой происходили при опоре на собственные педагогические традиции, а также под французским влиянием, то в России нашла применение австрийская образовательная модель. Определенную роль здесь сыграло состоявшееся 25 мая 1780 г. на белорусской земле событие – встреча Екатерины II с австрийским императором Иосифом II, о чем она писала позднее: *«Я приехала в Могилев вчера вечером и нашла здесь г. Фалькенштейна¹, который прибыл двумя сутками ранее меня... Мы провели вместе весь вчерашний день... Предметом наших бесед были школы и, судя по тому, что я о них слышала – это отличная выдумка; но для них потребуются искусные учителя»* [30, с. XXXV]. Екатерина II быстро оценила преимущества австрийского опыта и удачно использовала его [7, с. 22–23]. Деятельность в сфере образования в империи перестала носить случайный характер после создания в 1782 г. первого центрального государственного органа для управления этой отраслью – Комиссии об учреждении народных училищ [7, с. 46], и утверждения в 1786 г. Устава народных училищ, согласно которому в губернских городах начали открываться главные народные училища, а в уездных – малые народные училища. Подобная двухступенчатая структура связывала воедино разные типы учебных заведений, закладывала определенные принципы построения обучения и воспитания, впервые вводила бессловную и бесплатную общеобразовательную школу вместо прежней сословной и профессиональной [7, с. 24]. Правда, в отличие от системы Эдукационной комиссии, состоявшей из трех ступеней, в подчинении Комиссии об учреждении народных училищ находились только средние и низшие учебные заведения. Общественный запрос на образование в империи был несколько ниже, чем в соседней стране, поэтому становление его светской модели проходило

¹ Австрийский император Иосиф II посетил Могилев под именем графа Фалькенштейна.

прежде всего под влиянием практических потребностей государственного управления с учетом необходимости преодоления сопротивления новациям со стороны в массе своей достаточно инертного населения. Одним из главных достижений реформы стало постепенное внедрение в сознание элиты понимания важности осуществления профессиональной подготовки на фундаменте предварительного освоения знаний по разным предметам. Подводя итог нашей краткой сравнительной характеристики Российской империи и Речи Посполитой, еще раз подчеркнем, что, несмотря на специфические условия и методы адаптации западноевропейского культурного опыта, в конце XVIII в. они двигались в одном направлении – создания сети светских государственных учебных заведений.

Включение восточно-белорусских земель в состав империи после первого раздела Речи Посполитой положило начало первому этапу интеграции в российское образовательное пространство. Здесь властям пришлось столкнуться с серьезным вызовом – особой образовательной средой с доминированием польского языка и культуры, спецификой конфессиональной ситуации, прохладным или даже враждебным отношением местного населения. Изначально Екатерина II довольно благосклонно посмотрела на монашеские учебные заведения, которые, по её мнению, могли принести определенную пользу, и проявила настороженность лишь к иезуитам в именном наказе от 28 мая 1772 г. генерал-майорам М.В. Каховскому и П.Н. Кречетникову: «*Вы за сими наипаче недереманно смотрите имеете, яко за коварнейшими из всех прочих Латинских орденов*» [19, с. 509]. Однако в последующем она изменила своё мнение во многом под влиянием торжественной встречи во время пребывания в Полоцке в 1780 г., когда императрица посетила иезуитский костел, монастырь и коллегиум [27, с. 11–12]. Последний принадлежал к числу богатейших и размещался в большом здании с просторными, светлыми, чистыми классами и обширной библиотекой [13, с. 97]. Добившись высочайшего покровительства, иезуиты смогли сохранить и преумножить свою учебно-материальную базу – постройки, земельные владения с крестьянами, промышленные предприятия и другое имущество. Полученные благодаря расположению Екатерины II налоговые льготы [20, с. 892] и иные привилегии вызвали наплыв представителей этого Ордена из-за границы сначала в Полоцк, а затем в западную часть Российской империи. Финансовая и материальная независимость, разносторонний педагогический опыт, обеспеченность преподавательскими кадрами позволяли привлекать большое количество учеников, в том числе детей бедных родителей, предоставляя им бесплатное проживание. В свою очередь, влияние иезуитов помогло сломить сопротивление со стороны католического духовенства, не желавшего приносить присягу императрице.

На приобретенной после первого раздела территории власти стремились направить деятельность образовательных учреждений на внедрение в сознание населения убеждения в неизбежности присоединения к империи, чтобы сделать тем самым знание русского языка, истории и географии насущной необходимостью, постепенно пополнять знания учащихся за счет элементов российского национально-государственного характера. В связи с этим всем монашеским орденам пришлось перестроить свою просветительскую активность с учетом требований имперской администрации относительно сближения организации обучения с положениями Устава народных училищ 1786 г., предоставления учащимся возможности освоения русского языка. В то же время монахам не следовало забывать и о местных жителях, их возможном отказе отдавать своих детей на воспитание в случае слишком радикального отступления от традиций. Наиболее охотно навстречу пожеланиям властей пошли представители иезуитского ордена – исключили из своих программ такие не соответствовавшие самодержавному строю дисциплины, как естественное и политическое право, государственная экономия; ввели русский язык; начали преподавать историю, геометрию, архитектуру по русскоязычным пособиям [13, с. 37–39]. В отличие от иезуитов, остальные монашеские ордена не торопились вносить изменения в привычный ход учебного дела. Исключение составили базилиане с их ежедневными утренними занятиями по русскому языку, а также пиары и доминиканцы, которые преподавали его для желающих в качестве иностранного, а историю и географию России затрагивали фрагментарно и излагали по-польски [26, с. 54].

Определенные подвижки в деятельности учебных заведений, полученных в качестве наследия Речи Посполитой, сопровождались появлением на восточных белорусских землях учреждений образования принципиально нового типа с обучением на русском языке – главных народных училищ в Могилеве и Полоцке, которые начали работу в 1789 г. Для обеспечения связи с обществом, поддержки чиновников и дворянства их попечителями становились губернаторы, смотрителями избирались влиятельные жители городов, в характерной для екатерининского правления манере устраивались пышные церемонии, открытые уроки и экзамены [7, с. 28]. Организаторы этих очагов просвещения гибко учитывали специфику местной конфессиональной ситуации, чтобы не втягивать школу в возможные конфликты на национально-религиозной почве [15, с. 299]. Например, в Могилеве 28 марта 1789 г. в ознаменование основания главного народного училища после раздельного католического и православного праздничного богослужения состоялась торжественная процессия во главе с Могилевским и Полоцким генерал-губернатором П.Б. Пасеком, православным епископом Георгием Конисским и католическим епископом С. Богуш-Сестренцевичем [29, с. 44–48]. По аналогичной схеме 15 апреля 1789 г. прошло открытие главного народного училища в Полоцке. В этот день, чтобы засвидетельствовать благодарность «за Ея Императорского величества попечение о просвещении народа», всенощные бдения и литургии совершило униатское и римско-католическое духовенство. Затем на церемонии в присутствии губернатора, высшего чиновничества, местного духовенства, представителей дворянства, купечества, мещанства выступили учителя, торжество завершилось вечерним фейерверком [17, л. 1, 19–21; 27, с. 78–83].

Поддержанию авторитета новых образовательных учреждений должны были способствовать регулярные визиты представителей местной власти – генерал-губернаторов, губернаторов, чиновников Приказа общественного

призрения и других органов. В соответствии с Уставом народных училищ два раза в год (в июне и декабре) проходили публичные экзамены с произнесением приветственных речей и декламацией стихов, сочинённых не только учителями, но и учениками. Архивный источник подробно описывает подобное мероприятие в Полоцке 4 декабря 1789 г. в присутствии Могилевского и Полоцкого генерал-губернатора П.Б. Пассека и правителя Полоцкого наместничества А.М. Лунина. После прочтения торжественного поэтического произведения учителем И. Сокольским начались испытания воспитанников народного училища по чтению и письму на русском и латинском языках, сведениям из сокращённого катехизиса и Священной истории, начальным основаниям арифметики. Затем от лица всех учащихся из уст М. Лунина прозвучали слова благодарности: *«Меня учат дома. Но отец мой и мать моя отпускают меня сюда, чтобы я видел и слышал все, что таким же маленьким сказывают, и я люблю сюда ходить и учиться вместе. Почему за себя и за товарищей моих благодарю, что вы сюда пожаловали. Не оставляйте нас и впредь своею милостью, а мы учиться рады»* [17, л. 9]. Учитель А. Змеев состоявшийся экзамен расценил как проявление долга учительской корпорации перед начальством, родителями учеников и обществом, которые вправе требовать отчета в «наставлении юношества», и попросил снисходительного отношения к первым ещё несовершенным результатам обучения, связанным с «краткостью употребленного времени» [17, л. 9об. – 10]. В заключение Могилевский и Полоцкий генерал-губернатор П.Б. Пассек высказал свою положительную оценку: *«Труды учителей сего народного училища по успехам учащихся действительно соответствуют сему полезному заведению»* [17, л. 11об.]. По итогам мероприятия лучшие ученики получили в награду книги, директор и учителя удостоились благодарности, что должно было вести к увеличению числа лояльных подданных самодержавия на восточно-белорусских землях. Сходные цели преследовало изучение в Полоцком главном народном училище территории империи (границ, гор, озёр и рек); населявших её народов (армянского, чухонского, турецкого, татарского, монгольского и другого происхождения); торговли; разделения на наместничества [17, л. 15].

Подобное содержательное наполнение обеспечивали учителя, выходцы из внутренних российских губерний, собственные выпускники либо воспитанники Могилевской духовной семинарии. Стабильное замещение преподавательских должностей всё же составляло одно из главных затруднений, так как удовлетворению образовательных запросов местного населения особенно препятствовала нехватка учителей польского, немецкого и латинского языков. Например, настоятельной потребностью полочан, которые ездили за товарами в Ригу, Кёнигсберг и Лейпциг, являлось умение говорить по-немецки. Преподавателя этого предмета в Полоцком главном народном училище с определенными сложностями удалось найти в лице выходца из Гамбурга К. Миллера [29, с. 39–41]. А для обучения польскому языку Приказу общественного призрения в поисках достойного кандидата пришлось даже обратиться за помощью к иезуитам, порекомендовавшим выпускника Полоцкого коллегиума, «уроженца белорусского» И. Стрелковского [17, л. 1–2]. Если во внутренних российских губерниях отсутствие учителей иностранных и классических языков в народных училищах не представляло особой проблемы, то на присоединенной территории отмеченное обстоятельство свидетельствовало не в пользу властей, ведь иезуитские коллегиумы без труда обеспечивали преподавание данных предметов силами квалифицированного учительского персонала [15, с. 331].

Наряду с католическими и униатскими учебными заведениями, главными и малыми народными училищами на белорусских землях после первого раздела создавались частные пансионы светских лиц, начальные школы православного духовенства. Все они имели собственные источники обеспечения и схемы управления. Примером подобного разнообразия может послужить Полоцк конца XVIII в., по меркам того времени довольно крупный культурно-просветительский центр, где располагались иезуитский коллегиум, главное народное училище, гарнизонная школа для солдатских детей, пансион благородных девиц [17, л. 12]. Естественно, наличие такого широкого спектра учреждений создавало почву для конкуренции между ними, предоставляя местному населению возможность выбора.

В итоге мы видим, как создаваемые имперской администрацией главные и малые народные училища с большим трудом отвоевывали свою нишу в образовательном пространстве, хотя и не можем отрицать, что их открытие знаменовало собой появление в восточных белорусских землях в полном смысле слова государственных школ с назначенным властью руководящим и учительским составом, с русскоязычными учебными материалами [9, с. 319]. Вполне предсказуемо реформу на основании Устава 1786 г. приветствовало православное население (российские чиновники, офицеры, духовенство, небогатые городские жители). Одновременно она встретила прохладное отношение со стороны местной белорусской шляхты с её приверженностью польской культуре и традицией отправлять своих детей на обучение к монахам, между которыми, в свою очередь, наблюдалось соперничество (при этом ни пиары, ни базилиане, ни другие ордена вследствие ограниченности материальных ресурсов не смогли обеспечить своим школам положение, сравнимое с богатыми иезуитскими коллегиумами).

После второго и третьего разделов Речи Посполитой начался этап интеграции центральных и западных белорусских земель в образовательное пространство Российской империи, когда в центре внимания оказалась судьба светских школ, созданных Эдукационной комиссией взамен принадлежавших ранее иезуитам. В первых правительственных инструкциях для местных властей указывалось на недостатки их организации, связанные с нехваткой собственных помещений, квалифицированных учителей, пособий, что отчасти соответствовало действительности, поскольку политическая и военная нестабильность в последние десятилетия существования Речи Посполитой существенно затрудняла серьезную и последовательную работу по совершенствованию образования. Оказавшись в составе другого государства, учебные заведения попали в зависимость от генерал-губернаторов, военных и гражданских губернаторов и Приказов общественного призрения, однако их непосредственные

руководители не всегда могли определиться, стоит ли исполнять требования российских чиновников или же руководствоваться установленными в предшествующий период правилами [12, с. 37].

Способы управления образованием несколько отличались в центральной и западной частях Беларуси. В Минской губернии бывшие школы Эдукационной комиссии перешли в подчинение Приказов общественного призрения и получили в свое распоряжение доходы от иезуитских имений. Тем не менее новые административные органы не успели начать их коренное переустройство и ограничились введением русского языка. В Литовской и Гродненской губерниях, где отсутствовали Приказы, российские власти для контроля за деятельностью образовательных учреждений основали временную комиссию в Вильне, в распоряжение которой поступило также высшее учебное заведение – Главная Литовская школа. Из ведения последней изымались все ранее подчинявшиеся ей школы низшей и средней ступени (до конца царствования Екатерины II они фактически продолжали действовать на прежних основаниях, но под властью Литовского генерал-губернатора), что лишило образовательный центр в Вильне прежнего влияния на общество [9, с. 344].

На восточных белорусских землях после второго и третьего разделов в качестве средоточия русской культуры и просвещения выступали главные и малые народные училища, частные пансионы, начальные школы православного духовенства, однако их развитие по-прежнему усугублялось соперничеством с католическими и базилианскими монашескими учебными заведениями, обладавшими устойчивыми традициями, популярностью, богатой материальной базой.

Заключение. Итак, в эпоху разделов Речи Посполитой белорусские земли оказались в составе Российской империи, власти которой начали постепенно изменять местную образовательную среду, включая население присоединенных территорий в собственное образовательное пространство. На первом этапе данного процесса (1772–1792 гг.) происходила адаптация католических и униатских учебных заведений Восточной Беларуси к потребностям государственного и общественного строя империи, и параллельно шло создание главных и малых народных училищ с обучением на русском языке. Второй этап (1793–1796 гг.) был связан с интеграцией центральных и западных белорусских земель, в том числе путем проведения комплекса мероприятий относительно бывших светских школ Эдукационной комиссии. Успешному сближению препятствовали: нестабильная общественно-политическая и военная обстановка; осторожное отношение местных жителей; перманентные административные реорганизации; нехватка финансовых средств, управленческих и педагогических кадров; отсутствие опыта решения подобных задач. Поэтому большая часть учебных заведений сохраняла свои прежние особенности.

Вместе с тем можно констатировать, что появление в образовательной среде присоединенных территорий элементов новых общественных отношений, ценностей, символов исподволь вело к перестройке мышления и деятельности населения, которое посредством школьного обучения и воспитания приспособлялось к условиям существования в другом государстве, получало навыки освоения информации через русскоязычные тексты, приобретало дополнительный канал ознакомления с идеями европейского Просвещения. В свою очередь, имперское образовательное пространство усложнилось и обогатилось за счет приобщения к самобытному педагогическому наследию Речи Посполитой, приобретения управленческого опыта в сфере создания светских учебных заведений разного уровня в поликонфессиональном и полиэтничном обществе. В конечном итоге это оказало заметное влияние на дальнейшее формирование системы образования Российской империи в последующий период и способствовало приращению её культурного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі. Са старажытных часоў да 1917 г. / М.А. Ткачоў, У.С. Пасэ, Г.Р. Сянькевіч і інш.; Пад. рэд. М.А. Лазарука. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.
2. Белецкий А.В. Заботы императрицы Екатерины II о распространении образования в Полоцкой и Могилевской губерниях. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1905. – 62 с.
3. Блинова Т.Б. Иезуиты в Беларуси. Роль иезуитов в организации образования и просвещения. – Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2002. – 425 с.
4. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / пер. с фр. М. Крисань. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 1008 с.
5. Всемирная история: В 6 т. – Т. 4: Мир в XVIII веке. Гл. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Наука, 2013. – 787 с.
6. Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Славяноведение. – 2004. – № 1. – С. 47–48.
7. Довнар-Запольский М.В. Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1906. – 47 с.
8. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. – Минск: Беларусь, 2003. – 680 с.
9. Жукович П. Школьное дело в Западной России в царствование Екатерины II // Журнал министерства народного просвещения. – 1915. – № 12. – С. 296–344.
10. Зянюк Р.У. Навучальныя ўстановы рымска-каталіцкай царквы ў Беларусі (1772–1914 гг.). – Мінск: Беларуская навука, 2017. – 299 с.
11. Илюшин И.М., Умрейко С.А. Народное образование в Белорусской ССР. – Минск: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения БССР, 1961. – 437 с.
12. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования. 1803 г.–1832 г. Отдел 1: 1803 г. – 1812 г. / сост. Ю.Ф. Крачковский. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1905. – 566, XIV, IV с.
13. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования. 1803 г. – 1832 г. Отдел 3: Учебные заведения Витебской и Могилевской губерний в 1803–1832 гг. / сост. А. Белецкий. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1906. – 147 с.

14. Куль-Сяльверстава С.Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. – 1820-я гг.). – Минск: БДУ, 2000. – 265 с.
15. Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность / пер. с нем. А.И. Савина. – М.: Полит. энцикл., 2018. – 613 с.
16. Лаврович А.П. Развитие теории и практики школьного дела Беларуси в эпоху Просвещения (1772–1832 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Минск, 1998. – 20 с.
17. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3175. Оп. 1. Д. 1.
18. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. – Мінск: Народная асвета, 1968. – 621 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗРИ). – Т. 19 (1770–1774). – № 13808. – С. 507–511.
20. ПСЗРИ. Т. 19 (1770–1774). – № 14102. – С. 892.
21. Пономарев Р.Е. Образовательное пространство: проблемы, теория, проектирование [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2024. – URL: // https://vk.com/doc438350550_675327242 (дата обращения: 23.01.2025).
22. Поссе В.С. Просвещение в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 1963. – 18 с.
23. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Том первый. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. – 680, 42 с.
24. Самусік А.Ф. Развіццё сістэмы асветы на беларускіх землях у сямідзесятых гадах XVIII – трыццаціх гадах XIX стагоддзя: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. – Мінск, 1998. – 18 с.
25. Самусік А. Русіфікацыя сістэмы асветы на беларускіх землях у апошняй трэці XVIII – другой палове XIX ст. // Гістарычны альманах. – Т. 14. – Гародня, 1998. – С. 48–93.
26. Самусік А.Ф. М. В. Доўнар-Запольскі аб праблеме станаўлення свецкай сістэмы асветы на беларускіх землях // Шостыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Рэчыца, 14–15 ліст. 2007 г.: [да 140-годдзя з дня нараджэння М. В. Доўнар-Запольскага]: у 2 ч. / рэдкал.: В. М. Лебедзева (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2008. – Ч. 1: М. В. Доўнар-Запольскі: жыццё і навуковая спадчына. – С. 175–182.
27. Сапунов А.П. Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке. – Полоцк: Издатель Л. Ф. Данько, 1997. – 30 с.
28. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В.В. Яноўская і інш.; рэдкал.: В.В. Даніловіч і інш. – Мінск: Белар. навука, 2020. – 684 с.
29. Сборник материалов для истории просвещения в России извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 1: Учебные заведения в западных губерниях до учреждения виленского учебного округа 1783–1803. – СПб.: Изд-е Мин-ва нар. просвещения, 1893. – LX с., 896, 142 стб.
30. Сборник материалов для истории просвещения в России извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 3: Учебные заведения в западных губерниях 1805–1807. – СПб.: Изд-е Мин-ва нар. просвещения, 1898. – XXXVII [2] с., 1186, 200 стб.

Поступила 13.12.2024

INCLUSION OF THE BELARUSIAN LANDS INTO THE EDUCATIONAL SPACE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE ERA OF PARTITIONS OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH

N. NOVIK

(The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article shows the features of the inclusion of educational institutions of the Belarusian lands in the educational space of the Russian Empire in the era of the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the difficulties in implementing the educational policy of the imperial authorities after the annexation of new territories at the end of the XVIII century. The main and small public schools created to expand Russian influence in the east of Belarus occupied a certain niche in the field of education, but could not displace competing Catholic educational institutions due to weak financial security. As a result, at the turn of the XVIII–XIX centuries, two groups of educational institutions coexisted on the Belarusian lands included in the Russian Empire: on the one hand, educational institutions created on the all-Russian model with instruction in Russian; on the other hand, various Catholic schools that preserved the traditions of the times of the Polish-Lithuanian Commonwealth and poorly integrated into the imperial educational space.

Keywords: *educational space, educational policy, the age of Enlightenment, Jesuits, secular education, major and minor public schools.*